

UNITED WISDOM

Религиозный опыт: личная убедительность и публичное доказательство

Мир и сознание

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W-11-N03 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Религиозный опыт: личная убедительность и публичное доказательство

Эпиграф

«Его слова — деяния.»

Тереза Иисуса, «Жизнь», XXV, §23; перевод David Lewis, третье издание 1904 года. Собственный русский перевод полного предложения. «Его» относится к Господу в её свидетельстве; это не общее утверждение о любой речи.

О чём эта статья

Переживание может оказаться настолько убедительным, что человек меняет привычки, отношения и представление о собственной жизни. Для него вопрос о реальности случившегося уже почти закрыт. Для собеседника, который не был участником, остаются другие вопросы: что именно сообщается, каким образом установлена причина и что можно проверить независимо? Мы рассмотрим эту разницу через свидетельство Терезы Иисуса, рассуждение Уильяма Джеймса и современное исследование религиозного контекста. Эти источники имеют разные задачи: автобиографическое религиозное различение, философское обсуждение авторитета опыта и ограниченную экспериментальную проверку. Сравнение позволяет уважать личную убедительность, не превращая её в обязательное публичное доказательство. Оно также помогает обсуждать последствия опыта без обещаний исцеления, окончательной теории мозга или требования разделить чужую веру. Предлагаемая практика касается чтения и формулировки утверждений; она не требует получать необычное состояние и не оценивает духовную зрелость человека.

I. Какое утверждение мы действительно обсуждаем

Представим вымышленный разговор после обычной встречи. Один человек говорит, что во время молитвы почувствовал присутствие и перестал бояться важного решения. Собеседник слышит в этом обещание, что решение обязательно окажется правильным. Между исходной фразой и услышанным обещанием уже появились дополнительные шаги. Рассказ о чувстве присутствия, объяснение его происхождения, сообщение об изменении страха и прогноз будущего результата требуют разных оснований. Полезный разговор начинается с того, чтобы развернуть эти шаги, прежде чем соглашаться или возражать всему сразу.

Первый шаг относится к доступному свидетельству: человек описывает, что с ним происходило. Мы можем уточнять время, слова и степень уверенности, но не получаем прямого доступа к чужому переживанию. Второй шаг приписывает причину, например действие Бога. Третий касается последствий, часть которых может стать заметной окружающим. Четвёртый распространяет значение случившегося на другие события или людей. Эти различия не устанавливают заранее, какой ответ верен. Они показывают, где меняется предмет вопроса и почему одной искренности для всех переходов недостаточно.

Под публичным доказательством здесь понимается основание, которое посторонние могут обсуждать и проверять по объявленной процедуре, даже не разделяя исходного переживания. Такая проверка зависит от утверждения. Для сообщения о доставленном письме подходит один способ, для устойчивого изменения поведения — другой, для общей лечебной эффективности — гораздо более требовательный. Предложить ясную процедуру не значит потребовать от человека отказаться от веры. Это значит объяснить, почему другие должны принять конкретное утверждение о совместном мире и насколько далеко распространяется представленный материал.

Различение защищает и самого рассказчика. Если спокойствие во время молитвы принимают за безусловную гарантию успеха, любой последующий провал начинает выглядеть как опровержение всей его внутренней жизни. Если рассказ остаётся рассказом о пережитом спокойствии, неудачный исход решения не стирает эту часть опыта. Одновременно появляется возможность пересмотреть прогноз и ответственность за поступок. Человеку не приходится защищать лишние обещания только потому, что они незаметно присоединились к важному для него свидетельству. Здесь наша схема является авторским способом чтения, а не готовой формулой первоисточников.

II. Тереза: убедительность изнутри и работа различения

В выбранном фрагменте XXV главы Тереза описывает внутренние слова, отличая их от обычного слухового восприятия. Для неё они могут быть яснее внешней речи и восприниматься как нечто, над чем она не имеет привычной власти. Это религиозная автобиография, написанная изнутри определённой традиции. Мы читаем английский перевод David Lewis в третьем издании 1904 года, а не анализируем испанскую рукопись. Такая точность существенна: она сохраняет дистанцию между собственным текстом свидетельницы, переводом и нашим современным пересказом.

При этом Тереза не ограничивается утверждением, что сильное впечатление заведомо достоверно. В §§3–6 она обсуждает возможность слов, образованных самим умом, и пытается различать их с тем, что приписывает Богу. Она обращает внимание на переживаемую пассивность и последствия слов для души. Уверенность здесь соседствует с попыткой разобраться в возможной ошибке. Это не современный диагностический тест и не проверенная нами процедура определения источника речи; но это важная черта самого свидетельства, которую теряет пересказ, оставляющий только необычность.

В §23 рассказ переходит к резкому изменению внутреннего состояния. Тереза описывает покой, силу и уверенность и объясняет их действием Господа. Эпиграф завершает именно этот рассказ. Его краткость не должна превращать атрибуцию в независимый причинный результат. Мы можем точно сказать, как свидетельница понимала изменение и насколько оно было для неё убедительным. Мы не можем на основании одного этого абзаца установить, что любой похожий эффект имеет ту же причину или должен приводить к одинаковым решениям.

Даже версия отдельного выражения имеет значение. В прочитанном вступлении редактор обсуждает исправление прежнего перевода одного места §4: возможность внутреннего ответа не должна исчезать из-за ошибочного отрицания. Этот пример показывает, что ответственное чтение включает проверку редакции, а не только эмоциональное согласие с цитатой. Он не превращает литературную поправку в проверку всех описанных событий. Нам нужно удержать оба масштаба: конкретная формулировка действительно уточнена, а публичное происхождение переживания этим ещё не установлено. Для сравнения мы используем именно обозначенную редакцию.

III. Джеймс: для кого опыт обладает авторитетом

В выбранном рассуждении о мистическом опыте Уильям Джеймс различает его власть над пережившим человеком и обязательность для посторонних. Он также оставляет место религиозным возможностям, которые такой опыт открывает. Эти положения нужно читать вместе. Если оставить только личный авторитет, получится требование всем подчиниться чужому впечатлению. Если оставить только отсутствие обязанности у постороннего, получится более жёсткое отрицание, чем допускает сам аргумент. Для нашей темы полезна сохранённая разница адресатов: чью жизнь меняет опыт и кому предлагается принять вывод.

Это различие не означает, что человек выбирает свою уверенность совершенно свободно. Описываемая убедительность может приходить до рассуждения и сопротивляться сомнению. Но сила убеждения и право распространять его на другого всё равно остаются разными отношениями. Можно признать, что переживание стало центром чьей-то жизни, и одновременно обсуждать условия совместного решения. Современный пример с семейным бюджетом относится к нашему рассуждению: личное религиозное основание расхода не отменяет необходимости согласовать использование общих денег с теми, кому они принадлежат.

Джеймс обращает внимание и на разнообразие доктринальных прочтений. Сходство некоторых описаний не заставляет все школы принять одну и ту же метафизику. В выбранном контексте он сопоставляет различающиеся религиозные и философские позиции, а не объявляет их взаимозаменяемыми. Поэтому слово «единство» или выражение «встреча с присутствием» ещё не устанавливают, какие именно положения человек считает истинными. Внимательный читатель спрашивает о понятиях внутри данного свидетельства, вместо того чтобы заранее переводить любую традицию в удобную универсальную схему.

Мы не переносим исторические психологические выражения Джеймса в современный диагноз и не принимаем его предположения за окончательное объяснение мозга. Его вклад в наше сравнение уже и точнее: он помогает не смешивать личную власть переживания, обязанность другого согласиться и философское содержание рассказа. Из этого ещё не получается готовый эксперимент. Зато возникает ясный вопрос к любому публичному утверждению: какая часть аргумента доступна человеку, который уважает свидетельство, но не участвовал в событии и не разделяет объясняющую его доктрину?

IV. Что проверяло современное исследование

Исследование Schienle, Gremsl и Wabnegger 2021 года посвящено религиозному контексту и функциональным связям мозга в состоянии покоя. В него включили 37 здоровых женщин, отобранных с учётом религиозных убеждений и положительных ожиданий относительно воды из Лурда. Это конкретная выбранная группа, а не представительство всех верующих. Большая часть участниц была студентками и принадлежала к римско-католической традиции. Уже на этапе набора видно, какой вопрос исследование могло уточнять и почему его нельзя без дальнейшей работы переносить на другие группы.

Участницы приходили на две встречи с недельным интервалом; порядок условий был уравновешен. В обоих случаях использовали водопроводную воду, но различались её обозначение, информация и оформление контекста. Поэтому аккуратное описание говорит о сравнении условий в целом. Оно не выделяет единственное действие одного слова на этикетке. Исследователь, проводивший сканирование, не знал условия, однако участницы получали различающуюся информацию. Это полезная процедура ограничения одного вида влияния, а не основание называть весь опыт полностью слепым для всех присутствующих.

Особенно важна организация измерений. Оценка чувств во время исследования и последующий рассказ об этой части события отвечают на близкие, но не тождественные вопросы. Позднее воспоминание уже собирает впечатления в историю, а текущая оценка фиксирует только то, о чём спросили тогда. Различие форматов не позволяет автоматически выбрать один как «настоящий опыт», а другой как обман. Оно позволяет обнаружить, насколько вывод зависит от момента и способа сообщения. Здесь научный дизайн делает видимой границу, которую в повседневном разговоре легко пропустить.

Такую границу можно понять на независимом вымышленном примере. После концерта слушатель рассказывает, что весь вечер чувствовал единение с залом, хотя в середине отметил усталость и раздражение. Итоговый смысл события не обязан совпадать с каждым текущим ощущением. Проверяющий может сохранить оба сообщения и выяснить, на какой вопрос отвечает каждое. Этот пример не описывает участниц исследования и не доказывает общий закон памяти. Он показывает, как структура вопроса помогает избежать поспешного обвинения и столь же поспешного подтверждения общего утверждения.

V. Результат, корреляция и предел объяснения

В исследовании текущие оценки приятности и спокойствия не показали значимого различия между условиями. В ретроспективных сообщениях были различия телесных чувств и эмоций; различия мыслей не были установлены таким же образом. Мы сохраняем этот неоднородный результат, вместо того чтобы пересказывать его как единый эффект на всё переживание. Различие между двумя форматами сообщения само становится частью вопроса. Оно не позволяет объявить каждую участницу преобразившейся, а отсутствие значимого результата по одной оценке не доказывает, что все индивидуальные впечатления отсутствовали.

Авторы сообщают и об изменениях функциональных связей между обозначенными областями и сетями. В данном контексте речь идёт о статистическом отношении сигналов в покое, а не о прямом наблюдении божественного действия. Даже убедительное различие между условиями требует отдельного разговора о том, что именно объясняет предложенная модель. Слово «мозг» не завершает этот разговор автоматически. Описанное отношение может быть важным для ограниченного исследовательского вопроса, сохраняя неопределённость относительно причин отдельных рассказов, значения веры и более широких философских утверждений.

Здоровая выбранная группа и краткое наблюдение также не дают вывода о лечебной эффективности. В статье обозначены ограничения переноса и необходимость воспроизведения. Это особенно важно, когда привлекательное название превращают в совет человеку, который принимает решение о здоровье. Между исследованным контекстом, сообщёнными чувствами и клиническим результатом нет готового равенства. Мы не предлагаем повторять процедуру, использовать такую воду или менять лечение. Предмет этой статьи — чтение оснований и пределов утверждения; медицинский эффект не был установлен представленной нами сравнительной работой.

Сопоставление с Терезой здесь работает через различение задачи. Её рассказ передаёт духовное значение внутреннего изменения; эксперимент задаёт ограниченные условия сравнения и измерения. Первое не становится лабораторным результатом, а второе не исчерпывает смысла первого. Нельзя взять сходное слово о спокойствии и заключить, что изучена именно её ситуация. Можно заметить общий вопрос о сообщении и последствиях, сохранив различие эпохи, языка, участников и процедуры. Такое сравнение полезно именно потому, что не требует от источников говорить одним голосом.

VI. Как сделать публичное утверждение обсуждаемым

Допустим, вымышленная небольшая группа хочет опубликовать рассказ: новая встреча помогла её участникам стать внимательнее друг к другу. Это понятное и ограниченное намерение. Для начала нужно уточнить, сообщают ли люди о впечатлении одной встречи или предъявляют устойчивое изменение поведения. Дальше возникает вопрос, кто участвовал в рассказе, кто отказался отвечать и какие условия были раньше. Открыто названный масштаб делает текст полезнее. Он даёт читателю возможность оценить конкретное утверждение, не требуя верить в общий эффект любой подобной встречи.

Проверяемость начинается раньше сложного измерения. Нужны ясные слова, сохранённое описание процедуры и возможность увидеть материал, который не совпадает с ожидаемым итогом. Если опубликованы только самые вдохновляющие ответы, они могут быть искренними, но не представлять всех участников. Если отрицательный ответ переименован в недостаточную открытость, предложенное утверждение защищается от любого возражения ценой потери проверки. Наша авторская рекомендация здесь проста: заранее назвать, какое наблюдение заставило бы уточнить формулировку, и не менять этот критерий лишь из-за неудобного результата.

Из Джеймса нельзя вывести готовую методику такого проекта, а из одного исследования — универсальный стандарт всех религиозных сообществ. Сравнение помогает различить позиции. Личное свидетельство остаётся доступным в форме рассказа; публичный вывод требует дополнительных оснований, соответствующих его содержанию. Там, где процедура не отвечает на вопрос о предельной причине, это следует сказать. Ограниченный ответ не обязательно слаб: он может точнее показать, что удалось узнать и где остаётся пространство для веры, дальнейшего исследования или несогласия между разумными собеседниками.

Публичность также не означает свободного доступа к чужой интимной жизни. Человек может согласиться описать переживание близкому и отказаться от записи или публикации. Его отказ не становится доказательством ложности рассказа. Но и отсутствие материала не превращается в доказательство его внешних обстоятельств. Эти два положения совместимы. Для совместного обсуждения можно выбрать менее личный вопрос или существующий открытый текст. Предлагаемое здесь уважение к согласию является современной авторской позицией; мы не приписываем первичным авторам нынешнюю процедуру обращения с записью.

VII. Различение без присвоения чужой жизни

Тереза обсуждает возможность ошибки в пределах своего религиозного языка. Современное исследование обсуждает пределы измерения и последующей интерпретации. Эти способы не совпадают, но оба мешают пересказу, в котором единственное сильное чувство якобы решает все вопросы. Читатель может спросить, что автор считает источником уверенности и как обходится с сомнением. Затем нужно отдельно спросить, какие из этих условий доступны постороннему. Первая работа помогает понять свидетельство; вторая помогает оценить предложенный публичный вывод. Ни одна не требует самостоятельно переживать описанное состояние.

В разговоре полезно избегать двух способов присвоения. Первый объявляет человеку, что его опыт обязательно означает нашу заранее выбранную доктрину. Второй объявляет, что мы уже знаем единственную окончательную причину и потому можем не слушать. Оба способа подменяют рассказ готовым объяснением. Внимательное уточнение может быть проще: «Ты говоришь о чувстве присутствия, об услышанных словах или о выводе, который сделал позднее?» Такой вопрос сохраняет авторство опыта у собеседника и не заставляет принимающего вопрос соглашаться с ещё не обсуждавшейся причиной.

Здесь осторожность в причинном выводе не равна отсутствию заботы. Можно помочь человеку организовать обычный день, обсудить отношения и уважать его желание помолчать, не заверяя, что знаешь происхождение переживания. Можно также отказаться принимать требование, которое затрагивает тебя, без объявления чужой внутренней жизни ложной. Вымышленный пример касается отменённой совместной встречи: уважение к пережитому не сообщает автоматически о согласии второго человека. Совместное действие всё ещё нуждается в разговоре, доступном обоим участникам, и в ясной ответственности за сделанный выбор.

Не все вопросы следует превращать в исследовательский проект. Иногда человеку нужен внимательный слушатель, а не публичная проверка. Тогда полезно прямо обозначить цель разговора: понять рассказ, принять совместное решение или оценить опубликованное причинное утверждение. Это снимает часть ненужного конфликта. Границы обсуждения сохраняются и тогда, когда рассказ кажется особенно возвышенным. Человек не становится носителем универсального знания о других только потому, что его переживание было значительным. Одновременно отсутствие общего доказательства не даёт собеседнику права требовать интимного раскрытия или унижать свидетельницу.

VIII. Последствия опыта и ответственность за выбор

Изменение жизни после переживания заслуживает внимания, но само по себе не устанавливает единственную причину события. Человек может описать, что стал терпеливее или пересмотрел старый конфликт. Если это относится к общению, другие способны сообщить и о своих наблюдениях. Эти сообщения расширяют материал о последствиях, а не превращают метафизическую атрибуцию в уже проверенный факт. Полезно различать вопрос «что изменилось в отношениях?» и вопрос «почему возник опыт?». Разные ответы не обязаны отменять друг друга, поскольку они объясняют разные стороны истории.

Представим ещё одну авторскую ситуацию. После важной молитвы человек хочет восстановить общение с родственником. Пережитая уверенность может поддержать его решение написать уважительное письмо. Но она не позволяет определить чувства адресата заранее или обещать немедленное примирение. Хорошее письмо оставляет другому возможность отказаться, выбрать время и иначе понимать прошлое. В этом случае опыт становится личным основанием собственного шага, а не полномочием распоряжаться чужим ответом. Даже искренняя и благожелательная цель не отменяет различия между намерением и взаимным согласием.

Можно оценивать поступок и без окончательного объяснения необычного события. Важно, раскрыты ли последствия решения, сохраняется ли право другого отказаться и готов ли человек исправить причинённый ущерб. Эти вопросы относятся к совместной жизни, где доступно больше, чем один внутренний рассказ. Такая оценка не присваивает себе всю духовную истину. Она позволяет обсуждать обычную ответственность, не дожидаясь разрешения сложного философского спора. Здесь мы предлагаем современное применение различений; ни автобиография Терезы, ни исследование связности мозга не проверяли эффективность этого подхода.

Устойчивость ответственности видна и в возможности пересмотра. Если человек приписал опыту точное обещание, которое не исполнилось, можно уточнить именно обещание, его формулировку и основания. Не нужно заранее объявлять весь опыт исчезнувшим или каждый неуспех новым тайным подтверждением. Важный рассказ может оставаться частью жизни, пока связанный с ним публичный прогноз пересматривается. Это требует внимательности к словам, а не демонстрации бесчувственности. Разделённые вопросы помогают сохранить значимость переживания без обязательства бесконечно защищать каждое последующее толкование как неприкосновенное.

IX. Что оставляет открытым честное сравнение

Три рассмотренных основания не складываются в одну окончательную теорию. Тереза говорит о Господе и внутреннем преобразовании. Джеймс рассуждает об авторитете опыта и разнообразии его философских прочтений. Современная работа сравнивает конкретные условия и измерения в выбранной группе. Сходные темы уверенности и последствий делают разговор возможным, но не убирают различий. Мы узнаём больше, когда можем назвать, какую задачу решает каждый источник, и заметить, где переход от одного к другому требует нового аргумента вместо красивого совпадения слов.

Остаётся открытым и вопрос, что считать достаточным объяснением. Описание связи сигналов может уточнить физиологическую сторону, не разрешая вопрос о личном смысле. Религиозный рассказ может дать человеку язык для жизни, не предъявляя независимого причинного теста. Философское рассуждение может показать логический переход, не поставляя недостающих наблюдений. Эти возможности имеют разные пределы. Признать их не значит запретить дальнейшее исследование или веру; это значит не выдавать материал, полученный для одного вопроса, за завершённый ответ на все соседние вопросы одновременно.

Полезный результат нашего чтения состоит в более точной речи. Вместо безграничного «это всё доказывает» можно сказать, что рассказ свидетельствует о личной убедительности, исследование обнаружило ограниченное различие, а предложенная причина остаётся предметом интерпретации. Вместо поспешного «значит, ничего не было» можно сохранить переживание как сообщённое и отдельно оценивать внешний вывод. Такая речь требует терпения, поскольку не даёт мгновенной победы в споре. Зато собеседники могут увидеть, на чём именно согласие возможно и где их позиции действительно расходятся.

Читателю не нужно получать подобный опыт, чтобы участвовать в этой работе. Достаточно открытого текста, ясных вопросов и возможности остановиться. Значимость свидетельства не измеряется количеством необычных подробностей, а качество аргумента — степенью благоговения слушателя. Внимательное сравнение оставляет человеку его жизнь, источнику его собственную задачу и публичному утверждению соответствующее бремя основания. Мы используем это как ограниченную дисциплину чтения и разговора. Она не обещает единой веры, исцеления или согласия всех участников, но позволяет не добавлять к важному переживанию лишние требования.

Что это значит на практике

Выберите уже опубликованный рассказ или собственную запись, которую спокойно готовы читать. Для упражнения не требуется вспоминать самый сильный эпизод. Выпишите одно предложение и разделите его на сообщение о переживании, приписанную причину, описанное последствие и возможный прогноз. Если какого-то элемента нет, оставьте место пустым. Не дополняйте текст желательным смыслом. Это авторская практика внимательного чтения, а не способ проверять чужую духовность или получать необычное состояние.

Для каждого имеющегося элемента назовите доступное основание. Например, свидетельство подтверждает, как человек сообщает о своём опыте; сохранённое письмо может уточнить последующий поступок; рассказ второй стороны — её собственное восприятие отношений. Не делайте одно основание универсальным. Отдельно отметьте, что остаётся неизвестным и какой материал действительно мог бы уточнить вопрос. Если точного способа проверки нет, запишите это, вместо того чтобы выдавать уверенность за завершённую процедуру.

Если обсуждение затрагивает другого человека, сначала обозначьте его цель и спросите согласие. Для совместного решения сформулируйте обычное действие, которое допускает отказ и пересмотр: предложить разговор, уточнить срок, признать недоразумение. Личное религиозное основание можно назвать, не требуя от собеседника принять его. Не используйте эту запись для назначения лечения, изменения сна или воспроизведения исследовательской процедуры. Здесь рассматриваются слова и ответственность, а не способы вызвать новый эпизод.

В конце сравните исходное предложение с уточнённым. Сохранилась ли важность переживания? Исчезло ли непредъявленное обещание о чужом решении или общей причине? Удалось ли оставить неопределённость без унижения рассказчика? Можно завершить работу на этих трёх вопросах. Результат не обязан быть согласием о метафизике. Достаточно формулировки, которая честно передаёт личный опыт, показывает предел публичного утверждения и оставляет другим право участвовать в разговоре на собственных основаниях.

Ключевая цитата

> *«Для воспроизведения результатов необходимы дальнейшие исследования.»*

Anne Schienle, Albert Gremsl, Andreas Wabnegger, 2021, Discussion, предложение о воспроизведении. Собственный русский перевод полного предложения; относится к результатам этого предварительного исследования, а не ко всей религии.

Связи между традициями

Два основания и локаторы	Содержательная связь	Предел сопоставления
Тереза, XXV §§2, 5, 23; Schienle и соавторы, Methods Procedure / Results Table 1	Личная ясность и разные моменты сообщения о чувствах требуют отдельного чтения.	Участницы не отождествляются с Терезой; одна общая причина не установлена.
Джеймс, Mysticism, положения об авторитете; Тереза, XXV §23	Власть переживания над человеком отличается от обязанности постороннего принять его объяснение.	Личная значимость сохраняется; публичное причинное доказательство не добавляется.
Джеймс, абзацы о различиях доктрин; Schienle, Participants / Discussion	Понятия традиции и условия набора влияют на масштаб сравнения.	Выбранная группа не представляет все верования; доктрины не сливаются.
Тереза, XXV §§3–6 и редакторское вступление; Schienle, Discussion о ретроспективной интерпретации	Различение возможной ошибки сопоставляется с оговорками о последующем рассказе.	Религиозное различение не диагностический тест; рассказы не объявлены ложными.
Джеймс, аргумент об авторитете и посторонних; Schienle, counterbalancing / experimenter blinding / limits	Для публичного вывода нужно показать доступную процедуру и её ограничения.	Конкретный эксперимент не проверяет все религиозные утверждения.
Тереза, XXV §23; Schienle, Results / Discussion о здоровой выборке	Изменение, значимое для человека, отделяется от клинической эффективности.	Нет рекомендаций воды, лечения или самостоятельного повторения опыта.

Первоисточники

1. Teresa of Jesus, The Life of St. Teresa of Jesus. Перевод David Lewis, третье издание, Thomas Baker / Benziger Brothers, 1904; редактор Benedict Zimmerman. Реально прочитаны титул и выбранное редакторское уточнение, XXV §§1–6; для этой статьи заново полностью прочитан §23 с ближайшим контекстом. Эпиграф — полное предложение §23. Религиозное свидетельство и его внутренние критерии не независимая проверка причины; испанский оригинал и вся глава не исследованы. Русский перевод цитаты собственный.

2. William James, The Varieties of Religious Experience. Longmans, Green and Co., издание 1917 года; лекции 1901–1902 годов указаны отдельно. Честно повторно используется прочитанный в текущей задаче полный выбранный аргумент Mysticism об авторитете, обязанности посторонних и различиях философского содержания; также прочитаны титул, предисловие и выбранное начало раздела. Не утверждается чтение всей книги. Исторические клинические выражения не современная диагностика.

3. Anne Schienle, Albert Gremsl, Andreas Wabnegger, Placebo Effects in the Context of Religious Beliefs and Practices. Frontiers in Behavioral Neuroscience 15:653359, 6 мая 2021 года, DOI 10.3389/fnbeh.2021.653359. Реально прочитаны Methods, Results с текстом таблиц, полный Discussion и ограничения, сведения об этике и доступности данных; точное предложение ключевой цитаты прочитано заново. Исходные данные не получены и не пересчитаны. Здоровая выбранная группа, короткая запись и различающийся контекст ограничивают вывод; лечебная эффективность и божественная причина не проверялись. Русский перевод цитаты собственный.

Теги

United Wisdom, религиозный опыт, свидетельство, личная убедительность, публичное доказательство, Тереза Иисуса, Уильям Джеймс, религиозная традиция, интерпретация, причинность, память, внутренняя речь, различение, философия религии, научный дизайн, ожидание, контекст, функциональная связность, выбранная группа, воспроизведение, ограничения исследования, согласие, ответственность, межкультурный диалог, внимательное чтение, неопределённость, совместное решение, последствия опыта

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.